

отмечает искусную и тонкую резьбу налешных деревянных украшений в атрибутах китайских храмов в Монголии, среди которых упоминают изысканные цветы, сложные фигуры, сочетающие правильные и ломаные линии, изображения крылатых драконов, львов [Позднеев, 1993, с. 32 – 36]. Цветовые решения также совпадают с окраской деталей из святилища. На влияние китайской культуры указывают и фрагменты блюда, обнаруживающего сходство с фарфором времени маньчжурской династии Цин. Кончок-лама, сравнивая фрагменты мебели из святилища с конструкцией алтарей Монголии, отметил, что в пещере находился сборный алтарь простой ярусной конструкции, оформленный снаружи планками и окрашенный деревянными резными “облаками”, “раскручивающимися лентами”, изображениями животных, важных в мифологии культа. Обычно в качестве украшений использовались плоские рисованные изображения, повторявшие таковые из ткани. Они подвешивались к стойкам алтаря. Среди находок из пещеры это составное кольцо и “белый лев”, или “морда” (лицо славы), выступавшая в качестве защитной личины. Перед алтарем стоял стол, на котором находились чаши-светильники, чаши-жертвенники, курильницы.

История населения Алтая была во все времена связана с историей Китая и Монголии. Цинская империя завоевала Джунгарское ханство во второй половине XVIII в., после чего распространила свое влияние до северных территорий, пограничных с русскими. На Алтае граница проходила по Чуйской степи [Златкин, 1964, с. 467]. Предметы из пещеры указывают на влияние культуры Маньчжурии, что позволяет определить время функционирования святилища в пределах XIX – начала XX в.

Заключение

Проанализировав вещественный комплекс из пещеры на р. Моген-Бурен, мы пришли к выводу, что это было буддийское святилище (гонкхан), функционировавшее предположительно в XIX в. Предметы позволяют связывать его с буддийской эзотерической традицией школы гелугпа. Иконография и культовая атрибутика святилища характерны для ламаистской культуры Монголии, Тибета [Герасимова, 1989]. Они свидетельствуют о том, что в данном районе практиковались традиционные формы культа сильных гневных защитников веры, в частности Лхамо и Джамсарана, возникшие в Тибете и распространенные в Монголии. Не исключено, что святилище ис-

пользовалось вплоть до первой половины XX в. Место его расположения и ближайшая территория, скорее всего, являлись священными. В.Е. Девяткин и Э.А. Ирисов зафиксировали современное почитание обо. Исчезнувшие из пещеры скульптуры всадников, которые видел В.Е. Девяткин в 1957 г., возможно, были спрятаны местными жителями, контролировавшими святыни.

Список литературы

- Белозёрова В.Г.** Традиционная китайская мебель. – М.: Наука, 1980. – 144 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-алт. ун-та, 1997. – Вып. 2. – С. 129 – 134.
- Бородаев В.Б., Контъев А.В.** Монастырь Аблай-хит как памятник социально-политической истории Ойратов XVII в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. – Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. – С. 12 – 22.
- Вестфален Э.Х., Кречетова М.Н.** Китайский фарфор. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947. – 54 с., XXIX табл.
- Герасимова К.М.** Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 320 с.
- Гомбоева А.Ш.** Образ коня в буддийской культуре // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докл. – Улан-Удэ: Олзон (при БНЦ СО РАН), 1996. – Ч. 2. – С. 106 – 108.
- Данилин А.Г.** Бурханизм. – Горно-Алтайск: АК Чечек, 1993. – 208 с.
- Жуковская Н.А.** Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства (1635 – 1758). – М.: Наука, 1964. – 482 с.
- Кубарев В.Д., Октябрьская И.В.** Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гум. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 84 – 92.
- Позднеев А.М.** Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. – 551 с.
- Радлов В.В.** Сибирские древности. – СПб.: [Тип. имп. Акад. наук], 1888. – Т. 1. – 146 с. – (Материалы по археологии России; № 3).
- Тинлей Геше Джампа.** Тантра – путь к пробуждению. – СПб.: Ясный свет, 1996. – 128 с.

Материал поступил в редколлегия 16.12.02 г.

УДК 903.5

О.И. Горюнова¹, А.В. Вебер²

¹Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии
Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: u002343@ic.isu.ru

²Отдел антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон, Канада
Department of Anthropology, University of Alberta, Edmonton
AB T6G 2H4, Canada
E-mail: aweber@ualberta.ca

КОМПЛЕКС С АЖУРНОЙ БЛЯХОЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА КУРМА XI (ОЗЕРО БАЙКАЛ)

Введение

В комплексах бронзового века Прибайкалья изделия из меди и бронзы довольно редки, т.к. большинство захоронений были разграблены в древности. Немногие предметы из металла представлены в основном ножами, иглами, трубочками-игольниками, рыболовными крючками и украшениями в виде колец, а художественное литье – двумя втульчатými изделиями: навершием в виде змея из погр. 5 Шиверского могильника и двушковым кельтом из погр. 37 могильника Шумилиха [Окладников, 1975, с. 126; Горюнова, 2002, с. 54]. Поэтому каждая новая находка из металла в составе “чистых” комплексов (а тем более художественное литье) представляет большой научный интерес.

Предлагаемая статья посвящена комплексу погр. 1 могильника Курма XI, содержащему уникальную ажурную бляху из бронзы.

Погребение 1 могильника Курма XI

Древний некрополь находится на северо-западном побережье Малого моря оз. Байкал, в 0,5 км к северо-востоку от пос. Курма (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Планомерные раскопки могильника начаты Курминским отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции в 2002 г. [Горюнова, Вебер, 2002]. Могильник расположен вдоль юго-восточного подножия горы на высоте от 6 до 16 м над уров-

нем Байкала и на террасовидных уступах ее восточного склона. Протяженность некрополя (по линии ЮЗ – СВ) 200 м. На могильнике зафиксировано более 35 искусственных кладок, 15 из которых вскрыты в 2002 г. Многие из раскопанных захоронений по составу сопроводительного инвентаря (ажурная бляха с антропоморфным изображением, орнаментированная бедренная кость ребенка, антропоморфные личины на стерженьках составных рыболовных крючков, мобильные петроглифы в конструкции погребального сооружения, остатки заячьих лапок) можно отнести к шаманским.

Надмогильное сооружение погр. 1 располагалось “во главе” цепочки захоронений, на высоте 16 м над уровнем Байкала. Кладка – округлая, кольцевая, 5,30 м в диаметре; состояла из каменных плит, плотно уложенных в два-три слоя (рис. 1). Они лежали плашмя и под углом 50 – 85°. В центре – свободное от плит пространство, отличающееся более темным цветом почвы. Форма этой площадки овальная (размеры 2,10 × 1,50 м), ориентация по длинной оси З – В.

Захоронение грунтовое; имело пять уровней внутримогильных перекрытий, состоящих из каменных плит, уложенных плотно друг к другу (рис. 2). Перекрытия сохранились только в северо-восточной половине погребения, юго-западная разрушена древними грабителями (все плиты выброшены из могилы). Здесь на разных уровнях зафиксирован археологический материал, который в ряде случаев апплицируется с обломками изделий из сопроводительного инвен-

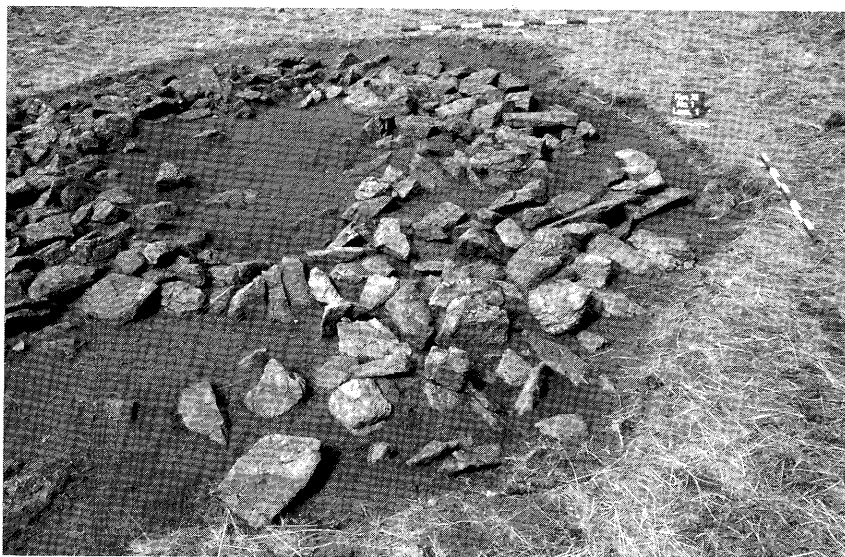

Рис. 1. Надмогильное сооружение погр. 1. Курма XI.

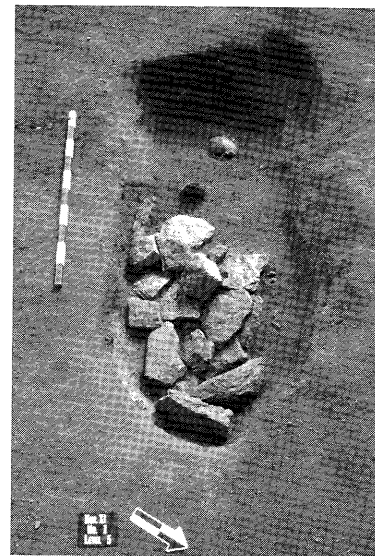

Рис. 2. Остатки внутримогильного перекрытия погр. 1. Курма XI.

таря. Можно предположить, что эти артефакты были выброшены из могилы в момент ограбления. В числе находок наконечник стрелы (из халцедона) подтреугольной формы со слегка вогнутой базой и симметричными шипами (рис. 3, 1), нижняя челюсть бобра, неопределимая кость, обломок ложки из рога, двусторонний гарпун с асимметричным расположением зубцов и боковым выступом в основании (рис. 3, 10), ложило из расщепленной трубчатой кости животного (рис. 3, 11), диск (обнаружен за пределами могилы) из белого нефрита (рис. 3, 7). На уровне четвертого внутримогильного перекрытия отмечены отдельные угольки.

На дне могильной ямы зафиксирован костяк в анатомическом порядке (исключение составляли фаланги рук и ног). В погребении частично нарушено первоначальное положение изделий из кости в головах покойного. Мужчина 25 – 35 лет был погребен в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ, с вытянутыми и подведенными под бедра руками. Череп повернут к левому плечу, лицевой частью на север (рис. 4).

На одежде и головном уборе покойного, видимо, были нашиты подвески из зубов марала (рис. 3, 4 – 6, 9, 12). Скопление последних (33 подвески) отмечено вокруг черепа, непосредственно на нем и под ним. В правой глазнице найдены кольцо из светлого нефрита (рис. 3, 3) и еще одна подвеска из зуба марала. Подвески также отмечены в районе груди (3 экз.) и запястья левой руки (6 экз.) погребенного.

Уникальной находкой является ажурная бляха из бронзы, находившаяся в берестяном чехле (сохранился частично) на грудной клетке погребенного. То, что этот предмет был в закрытом чехле, свидетельству-

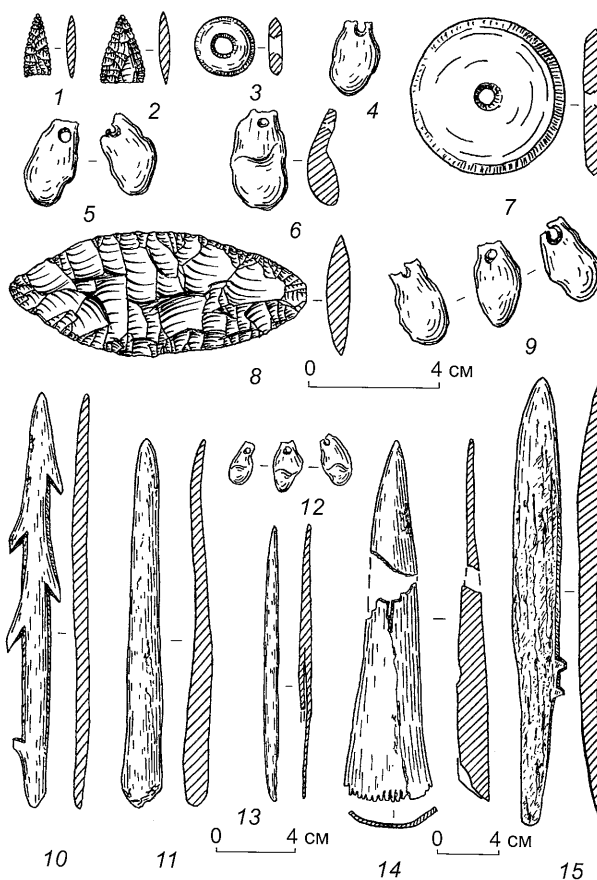

Рис. 3. Изделия из погр. 1. Курма XI.

ет, на наш взгляд, о его использовании не в качестве украшения, носимого на показ, а как культового, ритуального.

Рис. 4. Погребение 1. Курма XI.

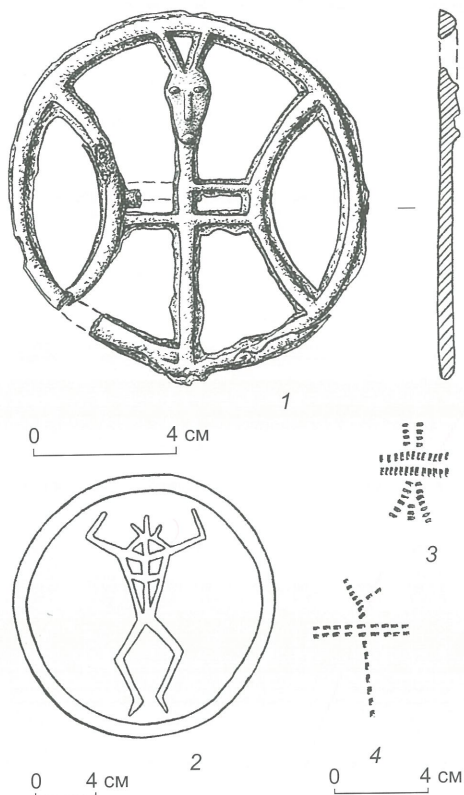

Рис. 6. Антропоморфные изображения.

1 – ажурная бляха из погр. 1 могильника Курма XI; 2 – наскальный рисунок у с. Мальта на р. Белой (по: [Окладников, 1966, рис. 43, 2]); 3 – изображение на керамике с поселения Улахан Сегеленнях, прорисовка (по: [Алексеев, 1996, табл. 42]); 4 – изображение на керамике с поселения Тушама, прорисовка (по: [Горюнова, Воробьева, 1993, рис. 1, 9]).

Рис. 5. Бронзовая ажурная бляха с антропоморфным изображением. Курма XI, погр. 1.

Рис. 7. Фрагмент ажурной бляхи (антропоморфное лицо). Курма XI, погр. 1.

Бляха представляет собой кольцо (диаметр 10 см), внутри которого вписана антропоморфная фигура в полный рост, выполненная в фас и размещенная в центре изделия (рис. 5; 6, 1). Овальную вытянутую голову венчают два луча-рога в виде развилки (рис. 7). Тщательно моделировано лицо. Глаза, нос и подбородок выделены рельефом. Глаза в виде овальных выпуклостей располагаются в верхней тре-

ти лица (в наиболее широкой его части). Удлиненный прямой нос выступает над плоскостью лица. Приостренный подбородок выделен овальной выпуклостью, возможно, изображающей бороду. Рот не обозначен. Голова, составляющая вместе с рогами третью часть фигуры, венчает прямой стержень – стилизованное изображение туловища и ног. Перпендикулярно к нему (по центру бляхи) по обе стороны расположены парные прямые линии (одна из них частично обломана), возможно, имитирующие руки. Они упираются в дугообразные ответвления, концами соединяющиеся с кольцом бляхи. Расположение “рук” и дугообразных ответвлений по отношению друг к другу симметричное.

Ажурная бляха изготовлена техникой литья в односторонней форме. Изделие неоднократно ломалось и реставрировалось в древности (припаяна часть одного дугообразного ответвления и нижний фрагмент кольца бляхи), что свидетельствует, на наш взгляд, о большой его ценности.

Сопроводительный инвентарь в захоронении размещался в головах и с левой стороны покойного.

Возле черепа найдены обломок ложки с зубчатым концом, сделанной из рога (см. рис. 3, 14) (часть ее фрагментов обнаружена на уровне третьего внутримогильного перекрытия), и роговой остроконечник с двумя боковыми выступами для крепления (см. рис. 3, 15), на котором лежала подвеска из зуба марала.

Слева от костяка находились два костяных игловидных наконечника стрел с расщепленным насадом (см. рис. 3, 13), которые лежали вдоль стенки могилы (один – на уровне коленного сустава, второй – локтевой кости), и кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы с прямой базой (см. рис. 3, 2), располагавшийся у плечевой кости.

С правой стороны в области пояса найден лавролистный нож-бифас из кремня (см. рис. 3, 8).

Обсуждение результатов

Размещение могилы на возвышенном участке некрополя “во главе” цепочки захоронений, наличие в составе сопроводительного инвентаря ажурной бляхи с антропоморфным изображением, имеющей, на наш взгляд, особое ритуальное назначение (символ власти?), свидетельствуют о высоком социальном положении погребенного. Это, как нам кажется, косвенно подтверждается и фактом не состоявшегося ограбления могилы. Учитывая характер проникновения в нее (в области туловища погребенного, где обычно размещался основной сопроводительный инвентарь), можно предположить, что захоронение было нарушено современниками покойного, хорошо знавшими особенности погребального обряда, но не представлявшими, кто конкретно был там захоронен. Причи-

ной отказа грабителей от дальнейшего разрушения могилы (они дошли непосредственно до погребенного), вероятно, послужила сама персона покойника, при жизни занимавшего социально значимое положение в обществе. Возможно, он являлся шаманом, могила которого была затабуирована от ограбления.

Погребальный обряд (конструкция и форма намогильного сооружения, организация самой могилы, труположение и ориентация погребенного) находит широкие аналогии в комплексах глазковской культуры бронзового века Приольхонья и прежде всего могильников Хужир-Нугэ XIV, Сарминский Мыс, Улярба (основная группа захоронений), Улан-Хада II и др. [Горюнова, Вебер, Новиков, 1998; Горюнова, 2002; Комарова, Шер, 1992].

Набор и типология изделий из камня и кости (диск и кольцо из светлого нефрита, наконечник стрелы подтреугольной формы с прямой базой, нож-бифас лавролистной формы, двусторонний гарпун с одним боковым выступом в основании для крепления линия) являются характерными для глазковской культуры Прибайкалья в целом [Окладников, 1955; Горюнова, 1992]. Реже встречаются костяные игловидные наконечники стрел с расщепленным насадом. Аналогичные изделия найдены в глазковских погребениях Прибайкалья: Курма XI, погр. 4 (около 80 экз.), Хальский Улус, погр. 2 (45 экз.), Ключ Цакюр (50 экз.), Евсеево, погр. 1 [Горюнова, Вебер, 2002; Окладников, 1955, с. 64, 65, рис. 19]. В связи с отсутствием публикаций материалов трех последних могильников, отнести эти комплексы к определенным периодам глазковской культуры бронзового века в настоящее время не представляется возможным.

Роговой остроконечник с двумя боковыми выступами (копье по А.П. Окладникову) подобен изделиям из материалов могильников Новый Качуг – Звездочка (погр. 6), Шаманский Мыс (погр. 2, 1972 г.), Улан-Хада II (погр. 3), Тальский (погр. 9) [Окладников, 1955, с. 73, рис. 21, 2; Конопацкий, 1982; Комарова, Шер, 1992; Базалийский, Туркин, Тютрин, 2001]. Разница заключается в количестве боковых выступов (от одного до трех). Комплексы этих погребений датируются развитым – поздним бронзовым веком.

Выполненная из бронзы бляха с антропоморфным изображением – изделие уникальное, ее аналоги в настоящее время неизвестны.

Образ человека занимает главенствующее место в изобразительном искусстве бронзового века. В Прибайкалье он представлен многочисленными скульптурами малых форм из кости и рога, найденными в глазковских погребениях [Окладников, 1955; Студзицкая, 1970]. При их сравнении с антропоморфной фигурой из погр. 1 могильника Курма XI отмечаются общие черты в трактовке образа человека: фронтальное изображение в полный рост, тщательная мо-

делировка лица при схематично выполненном туловище, овальная (яйцевидная) форма головы, составляющей треть скульптуры.

“Рогатые” антропоморфные фигуры, изображающие людей или духов в человеческом облике, широко распространены на петроглифах Восточной Сибири, и прежде всего Прибайкалья, датируемых бронзовым веком [Окладников, 1966, 1974]. Наиболее монументальные рисунки представлены на скалах в бухте Саган-Заба на Байкале, их характерной чертой является фронтальное изображение “рогатых” танцующих человечков с круглыми головами и рогами в виде развилки; в ряде случаев рожки-развилки полностью заменяли собой голову. По особенностям трактовки образа А.П. Окладников сравнивал эти рисунки с писаницами нижней Ангары и Лены (Братская Када на р. Оке выше г. Братска, Шишкинские писаницы и др.). Такие “рогатые” танцующие фигуры интерпретируются как изображения шаманов, исполняющих ритуальные танцы.

Антропоморфная фигура курминской бронзовой бляхи по сюжету и стилистике выполнения рогов (развилкой) находит аналогии в прибайкальских наскальных рисунках, и, видимо, ее следует так же интерпретировать. В этом плане интересно сравнить курминскую бляху с петроглифом вблизи с. Мальты на р. Белой (в настоящее время уничтожено), где изображение человека вписано в двойной круг (см. рис. 6, 2) [Окладников, 1966, с. 137, рис. 43, 2], который, по мнению А.П. Окладникова, мог означать небо – вселенную, а вместе с тем и шаманский бубен. Курминская антропоморфная фигура также заключена в круг, что подтверждает ее культовое шаманское значение. Возможно, она отражает представления о связи между миром духов и земным, человеческим, миром, осуществляемой через посредство шамана.

Антропоморфные изображения встречаются и на керамических сосудах с поселений развитого бронзового века Прибайкалья (I слой Плотбища, Долгая, Тушама, комплекс у д. Шишкино и др.) [Горюнова, Воробьева, 1993]. Все они выполнены фронтально, в полный рост. У фигур из Плотбища и Тушамы вместо головы развилки-рожки, что сближает их с трактовкой образа человека на ажурной бляхе. Наибольшее сходство с курминским обнаруживает антропоморфное изображение на керамике с поселения Тушама [Там же, с. 102, рис. 1, 9]: туловище выполнено (как и на бляхе) одной линией, перпендикулярно к нему расположены руки в виде двойных линий, голова изображена развилкой (см. рис. 6, 4). Подобная трактовка рук и головы отмечена и на керамических сосудах бронзового века Якутии – VII слой поселения Улахан Сегеленнях (см. рис. 6, 3) [Алексеев, 1996, с. 140, табл. 42].

“Рогатые” человечки – довольно распространенный сюжет на керамике самусьской культуры развитого бронзового века Западной Сибири [Матющенко, 1973]. Однако их отличает от прибайкальских антропоморфных фигур иконография образа (“скелетная” трактовка туловища, согнутые руки и ноги, вместо головы – две или три вертикальные черточки). Изображение “рогатых” антропоморфных фигур, на наш взгляд, явление эпохальное и свидетельствует о существовании в эпоху развитой бронзы единой изобразительной традиции.

Заключение

В предлагаемой работе мы целенаправленно сосредоточились на публикации материалов погр. I могильника Курма XI, в которых представлена уникальная ажурная бляха с антропоморфным изображением. Художественное литье – редкое явление для бронзового века Прибайкалья, поэтому эта находка представляет большой научный интерес. Стилистика и особенности моделировки изображения на курминской бляхе позволяют сравнивать его с рисунками на прибайкальских скалах и керамических сосудах, связывая такие изображения с образами людей (шаманов) или духов в человеческом облике. По нашему мнению, “рогатые” антропоморфные фигуры на курминской бронзовой бляхе, керамических сосудах развитого бронзового века и наскальных рисунках Прибайкалья следует рассматривать как разные проявления единой изобразительной традиции, характерной для развитого бронзового века.

Форма и конструкция намогильного и внутримогильных сооружений, трупоположение и ориентация погребенного, состав и типология сопроводительного инвентаря также позволяют сопоставить погр. I могильника Курма XI с позднеглазковской культурой развитого бронзового века Приольхонья и в целом Прибайкалья. Ряд особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря, носящих эпохальный характер, находит аналогии в кротовской и самусьской культурах развитого бронзового века Западной Сибири [Молодин, 1985; Матющенко, 1973].

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А.** Могильник Тальский на Южном Байкале // Каменный век Южного Приангарья. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 1: Иркутский геологический район. – С. 39 – 55, 73 – 82.
- Горюнова О.И.** Бронзовый век на территории Предбайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. – С. 50 – 53.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 83 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 291 – 294.

Горюнова О.И., Вебер А., Новиков А.Г. Новые данные по бронзовому веку Прибайкалья: Могильник Хужир-Нугэ XIV // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 138 – 146.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 94 – 116.

Комарова М.Н., Шер Я.А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 32 – 41.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск:

Изд-во Том. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 208 с. – (Из истории Сибири; Вып. 10).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 347 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – Новосибирск: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 318 с.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19 – 32.

Материал поступил в редколлегию 26.03.03 г.

УДК 391

Сато Хироюки, Онуки Сидзуо*Университет Токио, Япония**University of Tokyo, Japan**7-3-1, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 113-0033**E-mail: hsato@1.u-tokyo.ac.jp*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ УДЭГЕЙЦЕВ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX века.)

Введение

Когда археологи занимаются реконструкцией структуры первобытного общества, они за археологическими артефактами надеются увидеть некие группы людей и представить, чем была примечательна их деятельность. Однако, используя только археологические материалы, трудно установить связь между структурой архаического общества и жизнедеятельностью его членов, между социальной структурой и культурной адаптацией [Сато Хироюки, 1992, 1999]. Реконструкции жилых построек, а также модели поведения членов общества до сих пор создавались на основе этнологии лишь немногих территорий [Binford, 1977, 1980]. Необходимую информацию этнографы получали в основном в специфических районах Южной Америки и Африки, мало внимания уделялось Дальнему Востоку, в т.ч. Японскому архипелагу [Сато Хироюки, 2000]. В статье представлены результаты этноархеологического изучения поселений удэгейцев Приморского края России.

Одной из задач археологов в этом междисциплинарном исследовательском проекте стало изучение сведений о типах жилищ и характере хозяйственной деятельности малочисленных народов Дальнего Востока (например, о летних и зимних поселениях), на которые часто ссылаются при реконструкции типов жилищ домов и деятельности людей первобытной эпохи. Все это было предметом изучения этнографии середины XIX – начала XX в. В своем исследовании мы намереваемся представить дополнительные сведения о системе поселений и типах жилищ, о сред-

ствах существования и о жизнедеятельности удэгейцев, а также рассмотреть исторический фон аборигенной этнографии. Внимание будет сосредоточено также на вопросе охотничьих территорий и особенностях хозяйственной деятельности коренного населения бассейна р. Бикин (Приморье) в настоящее время.

Удэгейцы в бассейне р. Бикин

В прежние времена удэгейцы обитали на территории, охватывающей северную часть Приморья и юг Хабаровского края (хр. Сихотэ-Алинь). Они жили в горах и в отличие от земледельцев юга Приморья, селившихся на равнинах и вдоль побережья Японского моря, имели иную систему жизнеобеспечения, основанную на охоте и рыболовстве. Но это не значит, что они были изолированы от земледельческих районов [Росиа сюрё бункаси, 1998].

В рамках исследовательского проекта изучение вопросов, связанных с удэгейцами, проводилось в д. Красный Яр. Этот населенный пункт находится в Партизанском р-не Приморского края Российской Федерации. Жилые постройки размещаются вдоль берегов среднего течения р. Бикин, впадающей на западе в Уссури – приток Амура (рис. 1). В 1959 г. здесь, на Сихотэ-Алине, была создана чисто удэгейская деревня, куда собрали обитателей всех окрестных деревушек. Удэгейцы представляют собой один из малочисленных народов, проживающих на территории Российского Дальнего Востока. Вместе с нанайцами и орочами они относятся к тунгусо-маньчжурским народностям. Прежде удэгейцы жили на берегах Хора, Бикина и Имана (трех текущих на запад